
В. К. КОЛОМИЕЦ

**РОССИЯ И ИТАЛИЯ: ТРЕНДЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ XX –
НАЧАЛА XXI в. КАК ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ПРОСТРАНСТВЕННО-ИНТЕГРИРОВАННЫХ
СОЦИАЛЬНЫХ РЕАЛЬНОСТЕЙ**

В статье рассматривается идея глобализации, которая концептуализировала единство, общность и целостность пространственных социальных реальностей. В эту концептуальную схему вписываются заданные новейшим временем отношения между Россией и Италией – странами, разведенными на значительное географическое расстояние, принадлежащими к различным культурным средам и ареалам, заметно различающимися по их мировому статусу. Эта целостная пространственная реальность скреплена прочными узлами взаимозависимости и взаимообусловленности, где ее составляющие – Россия и Италия – являют собой друг для друга концептуальный ресурс, элемент внешней среды и внешнего окружения, источник и фактор развития.

***Ключевые слова:** Россия, Италия, историческое развитие, глобализация, взаимовлияние, взаимообусловленность.*

Введение. Пространственно-интегрированные социальные реальности в ракурсе глобализации

С тех пор как на рубеже XX–XXI вв., второго и третьего тысячелетий, в схему периодизации мирового исторического процесса был введен новый элемент, наименованный глобализацией общественных отношений, пространство как фактор развития, как среда, в которой оно происходит, обрело особую актуальность, новый смысл и значение. Выделение этого отрезка (периода) исторического времени в качестве самостоятельной единицы, сразу и как-то поспешно получившего высокий статус исторической эпохи, казалось тогда, на первых порах, совершенно бесспорным, неоспори-

мым. И действительно, символическим началом и точкой отсчета глобализации стали те великие геополитические перемены, которые произошли в социальной реальности, долгое время представлявшейся незыблемой и несокрушимой. Этими великими переменами стали распад Советского Союза, а еще раньше – падение Берлинской стены и крах реального социализма.

Такое видение истоков нынешней глобализации обуславливалось ретроспективной малой протяженности, установленной при периодизации в первом приближении. Но вскоре обнаружилась тенденция к ее возрастанию, в результате чего в датировку нового исторического времени постепенно вносились существенные коррективы. Отдаленные истоки глобализации стали усматриваться, к примеру, в раннем Новом времени – в эпохе Великих географических открытий (Gozzini 2003: 7). По гораздо менее радикальным, но более обоснованным и правомерным периодизационным критериям в настоящее время признается «модель глобализации, которая развивалась последние 200 лет» (Кондратьев 2018: 5), ныне существующая в обновленном виде и нередко парадоксально именуемая деглобализацией.

Идея глобализации концептуализировала единство, общность и целостность пространственных социальных реальностей, и в эту концептуальную схему вписываются заданные Новейшим временем отношения между Россией и Италией – странами, разведенными на значительное географическое расстояние, принадлежащими к различным культурным средам и ареалам, заметно разнящимися по их мировому статусу. Впрочем, исторический дискурс, посвященный еще более ранней эпохе – Рисорджименто, объединительному движению, результатом которого во второй половине XIX в. стало создание единого итальянского государства, свободно оперировал понятиями «общности основных исторических задач, стоявших перед... русским и итальянским народами» (Мизиано 1970: 319). Что уже тогда утверждало наличие единой и общей истории России и Италии – стран, демонстрировавших «поразительное... сходство идейных устремлений и революционных действий» (Мизи-

ано 1968: 95), если следовать данной формулировке, пусть и отягощенной бременем историографических условностей своего времени.

XX в. Эпоха революций

Целостная пространственная реальность, на первый и поверхностный взгляд кажущаяся произвольной, была скреплена прочными узлами взаимозависимости и взаимообусловленности. Ее составляющие, будь то Россия или Италия, являли собой друг для друга концептуальный ресурс, элемент внешней среды и внешнего окружения, источник и фактор развития. В самом начале Новейшего времени эти отношения единства и общности были predeterminedены знаковым событием российской и мировой истории – Октябрьской революцией, которой, согласно тогдашним представлениям ортодоксального революционного марксизма, отводилась роль всего лишь начального, первого акта глобального революционного процесса (Kolomiez 2018: 183–193). А точнее, «антиглобалистской» составляющей последнего, возникшей как предвосхищение той угрозы, порожденной XX столетием, которую воплотил в себе фашизм. Ради собственного выживания революция должна была стать мировой, незамедлительно распространиться на другие страны, в которых передовое развитие уже создало для нее благоприятные материальные предпосылки. Иначе, как прогнозировали ее идеологи, оказавшись во враждебном капиталистическом окружении, она была бы обречена на неминуемое поражение (La rivoluzione... 2018). Посредством мировой революции, в чем заключался ее основной (хотя и не слишком афишируемый на фоне интернационалистской риторики) стратегический замысел, предполагалось со всей очевидностью осуществить отвоевание новой Россией былого статуса великой державы, утраченного по итогам Первой мировой войны и глубочайшего послевоенного кризиса.

В этой концепции мирового революционного – «антиглобалистского» – процесса Италии отводилось одно из первых мест, в чем она уступала разве только Германии, и в данном качестве ей предстояло выступить в роли опытного полигона мировой революции. Правда, страна на Апеннинах с видимым трудом вписывалась

в ареал передового развития, но в глазах теоретиков только что созданного Коминтерна это несоответствие доктринальным представлениям о реальном потенциале революционного процесса с лихвой компенсировалось известной репутацией Италии – страны острого социального конфликта. Тем более что послевоенный кризис привел к небывалой радикализации итальянского общества, усилив эту конфликтность, а вместе с ней и надежды на скорое и успешное развитие событий по какому-либо революционному сценарию.

Италия, как и другие страны, будь они передового или отсталого развития, не оправдали, однако, тех оптимистических ожиданий по части возможности форсированного хода революционных событий и перемен, которые с ними, как оказалось, во многом неправомерно связывались. Радикальные настроения и соответствующие им формы социальной борьбы и социального действия, которые вполне обоснованно почитались исключительной прерогативой левых, были перехвачены – в лице фашистского движения – новыми силами, располагавшимися на правом фланге итальянской политики. Фашизм, добившийся перевеса и победы над либеральным государством – как симбиозом правящей коалиции и оппозиции, – на двадцатилетие обеспечил национальное согласие в итальянском обществе. Он сумел достичь этого, совместив, казалось бы, несовместимое – радикализацию масс с их жадной глубоких социальных перемен и консервативную охранительность правящей элиты.

Несостоявшаяся пролетарская революция в Италии, как и общий спад мирового революционного движения в других странах, повлияли на стратегию развития советского общества, существенно видоизменив ее. Идея всемирности в ее революционном варианте, хотя и осталась нереализованной, сохранила свою актуальность в системе концептуальных представлений об оптимальных путях развития на длительную историческую перспективу. Между тем в плане тактики она утратила свою приоритетность, уступив место своему антиподу – установке на строительство социализма, то есть на осуществление тех же революционных перемен, но теперь уже в пределах одной пространственной социальной реальности, в «од-

ной отдельно взятой стране» – в Советском Союзе, признанном эпицентре мирового революционного процесса.

Фашизм, одержавший победу в Италии, знаменовал собой не более чем прелюдию общеевропейского в пространственном отношении процесса разрушения демократических институтов государства и гражданского общества, многие из которых ушли в небытие, а тем, что уцелели, пришлось превратиться всего лишь в формальное и декоративное сопровождение авторитарной и тоталитарной власти. Реакция, которая одержала верх, добившись спада революционной волны, на десятилетия застопорив революционный процесс, обернулась тенденцией, захватившей многие страны европейского континента, в чем стране на Апеннинах выпало весьма сомнительное первенство. Все это предопределяло многократное усиление потенциала враждебности того окружения, в условиях которого советской стране предстояло строить социализм, то есть осуществлять широкомасштабную социалистическую модернизацию общества. Это несло постоянную внешнюю угрозу суверенитету Советской России / Советского Союза, ставя его в случае вероятной агрессии на грань утраты государственности и самого выживания его граждан. Советская страна оказывалась перед неотвратимостью выбора модели форсированного развития, которое, не считаясь с затратами людских и материальных ресурсов, позволило бы наверстать упущенное, если и не стать вровень с передовыми странами западного мира, то во всяком случае резко сократить отставание, чтобы обезопасить себя в случае возможной агрессии.

Наличие внешнего враждебного окружения многократно усугублялось также и наличием врага внутреннего, многоликого и коварного. Этот враг, как утверждала концепция революционного развития большевистской партии власти, несмотря на сокрушительное поражение, понесенное в ходе революции и гражданской войны, сохранял свой деструктивный потенциал, создавая угрозу реставрации старого общественного строя. Враг внешний и враг внутренний составляли, по понятиям того времени, характерным для советской партии власти, некое консолидированное единое целое,

и в противостоянии ему заключался коренной смысл развития советского общества на длительную историческую перспективу.

Фашизм, первый опыт которого пришелся на Италию, идеологи советской государственности и Коминтерна, хотя и чисто интуитивно, но очень рано и прогностически точно определили как крайнее и предельное выражение социального зла откровенно антикоммунистического и антисоциалистического толка. Разумеется, тема итальянского фашизма становится центральной для всех или, во всяком случае, для очень многих советских репрезентаций итальянской действительности 1920-х гг. В данном отношении показательны работы Г. Б. Сандомирского, дипломата, историка и публициста, почитаемого в числе первых советских историографов итальянского фашизма. Для него, как и для его соотечественников, фашизм работал на тотальное разрушение всей инфраструктуры рабочего и социалистического движения, исторически значимых завоеваний итальянского рабочего класса, всего демократического уклада. Сожаления по этому поводу – относительно краха итальянской демократии, тяжкого поражения партий рабочего класса в их схватке с фашизмом – часты и пространны, но оставляют впечатление некой вынужденной формальной условности, которой приходится следовать по строгим и неоспоримым соображениям тогдашней «политкорректности», обязательной для представителя советской номенклатуры (Сандомирский 1923; 1926).

Первичным же и основным представляется все-таки другое: похоже, что фашизм просто предназначен для того, чтобы быть использованным для конструирования образа или, по крайней мере, прообраза врага, ключевого в советской информационной политике последующих десятилетий. Фашизм – тот существенный штрих, который придает этому образу силу небывалой убедительности в глазах простого советского человека, уже обреченного жить в режиме культурной (и не только культурной, а вообще тотальной) автаркии и вынужденного довольствоваться сугубо подцензурными сведениями о внешнем мире.

Этот демонический образ можно было (это, кстати, и было сделано) произвольно проецировать на всю западную действитель-

ность, приписывая принадлежность к фашизму – крайней буржуазно-капиталистической реакции – в зависимости от конъюнктурных обстоятельств любым политическим силам вплоть до той же социал-демократии, наименованной впоследствии социал-фашизмом. Фашизм укреплял советское общество в ксенофобском предубеждении ко всему иностранному и зарубежному, позволяя правящей элите насаждать и сохранять режим автаркической замкнутости, создавая самый настоящий иммунитет против западного влияния, исключая какую-либо восприимчивость советского общества или, во всяком случае, создавая серьезные препятствия восприятию западного опыта развития.

При той вроде бы определенности, с какой был зафиксирован исторический смысл фашизма первыми советскими аналитиками, это явление все-таки застало врасплох политическую мысль и в России, и, по всей видимости, за ее пределами. Репрезентация фашистского феномена даже там, где, как в случае Г. Б. Сандомирского, она опиралась на собственные впечатления очевидца, на свидетельства из первых рук, строилась на основании простейших исторических аналогий, неизбежно присутствующих в историческом познании, но являющих собой его первичную стадию со всеми присущими ей рисками упрощения, прямолинейности, а порой и вульгаризации. Этих изъянов не избежал и сам Г. Б. Сандомирский: как бы то ни было, но сейчас его аналогии итальянского фашизма с русским черносотенным движением дооктябрьского времени оставляют немалое ощущение произвольности, хотя они и имеют свое историографическое оправдание. За этим просматривается прежде всего стремление уйти от другой аналогии, живо воспринятой антибольшевистской оппозицией, которая ставила на одну доску русский большевизм и итальянский фашизм, усматривая в них разительные черты сходства, прежде всего мощный потенциал разрушения, направленный против старых общественных укладов.

Аналогия с черносотенцами работала вместе с тем на уже известную идеологическую сверхзадачу – создание образа врага, должного обладать в глазах советского общества исключительной силой убедительности. На этот раз пример, выражающий проявле-

ние крайнего социального зла, был почерпнут не из внешней пространственной реальности, а из своей собственной, относящейся, правда, к ушедшему в прошлое дооктябрьскому времени, подвергнутому нещадной демонизации в силу уже сформировавшейся пропагандистской инерции новой власти. Два социальных зла – итальянский фашизм и русское черносотенство, – произвольно и механически соединенные, образовывали самую настоящую гремучую смесь, должную неотразимо воздействовать на любого адресата официальной пропаганды. Цель, которая при этом достигалась, была двоякого свойства: она, с одной стороны, укрепляла советское общество в его ксенофобских настроениях, а с другой – напоминанием о черносотенных эксцессах могла нейтрализовать опасность каких-либо даже отдаленных помыслов о возможности реставрации дооктябрьского общественного строя (Коломиец 2014: 105–109; Kolomiez 2018).

XX в. Период отчуждения и противостояния

Политические технологии, взятые на вооружение советской правящей элитой, продвигали в массы весьма упрощенную и даже примитивную картину внешней социальной реальности и такой ее пространственной разновидности, как Италия, в частности, когда та попадала в поле зрения информационной политики (Макулов 2017: 95–98). Насаждавшиеся стереотипы упрощения и примитивизации внешнего мира заключали в себе корыстные интересы советской правящей элиты, были существенным залогом ее выживания и удержания власти. Рассчитанные, однако, на более чем скудно просвещенную и малообразованную аудиторию, они и не могли быть какими-либо иными в силу той весьма поверхностной окультуренности массового общества, сформировавшегося по итогам промышленной революции. Эта социальная революция, начатая в России еще в XIX в. (в чем-то ускоренная, но по большей части прерванная или, во всяком случае, замедленная Первой мировой войной, революционным низвержением прежнего самодержавно-буржуазного строя, а затем войной гражданской), составляла суть процесса ранней советской модернизации. По крайней мере, в пара-

дигмальных рамках сложившейся историографической традиции, обозначаемой в виде известной триады «индустриализация – коллективизация – культурная революция».

Как и всякая промышленная революция, она имела свои побочные негативные последствия, аналогичные тем, что были описаны еще в XIX в. основоположниками и классиками марксизма применительно к первой промышленной революции. Она стимулировала, как в XIX, так и в XX в., возникновение новых бедных (и это при наличии и неустранимости класса старых бедных, доставшихся в наследство от дореволюционных времен), маргинальных слоев, в которые массово превратилась относительно благополучная часть сельского населения. Усиливалась роль теневой экономики, шло ее сращивание с социальным государством, всегда заключающим в себе реальные риски распространения практик коррупции, бюрократической неэффективности и паразитизма. Были, разумеется, и позитивные последствия индустриального, социального и культурного роста, которые по праву выглядели как ошеломляющий успех советской страны, ее общественного строя. Но то были достижения на фоне совсем недавней чудовищной российской отсталости, оказывавшиеся, однако, при всей их значимости в очевидном проигрыше при их сопоставлении с уровнем развития и качеством жизни даже ближайшего к России зарубежья, не говоря уже об экономически передовых странах Запада.

Развитие гражданского общества, сложившегося в дореволюционной России в ходе промышленной революции, по зрелости и по разнообразию его институтов было, вопреки бытующему историографическому предрассудку, сопоставимо с западным (Халий 2008: 56–70). Но в ходе революции и гражданской войны это развитие было остановлено и даже обращено вспять. Многие из сформировавшихся институтов гражданского общества в России были уничтожены, а само оно, даже формируясь заново, в значительной мере было обречено на поглощение советским государством, распространявшим свой неусыпный контроль на все его сферы. Что неизбежно предопределяло невысокий уровень его самостоятельности и зрелости, как и самих составлявших его граждан, которые

заведомо располагали весьма скудным социальным опытом и, будучи легко внушаемыми, сплошь и рядом некритически отождествляли себя с этим государством. Их совсем несложно было убедить в великих преимуществах нового общественного строя, внушая им комплекс превосходства над внешним миром. Этот внешний мир с советских идеологических позиций был достоин лишь того, чтобы взять в качестве образца своего переустройства советскую модель развития, призванием которой полагалось стать господствующей в планетарном масштабе. Это убеждение, повсеместно насаждавшееся официальной пропагандой, было поставлено во главу угла всей информационной политики. Оно зиждилось на вековых традициях социальных утопий и новейшей догматике утопического социализма и коммунизма (подававшейся властью в неизменной личине высоконаучной мысли), которые, по сути дела, стали важным элементом развития советского общества. В особенности – на его начальном этапе.

Иными словами, модели советского развития было словно бы предначертано отчуждение от внешнего мира, но природа этого отчуждения отнюдь не исчерпывалась одними лишь внутренними обстоятельствами истории советского общества. От внешнего окружения исходил в свою очередь не менее, а то и более мощный импульс, отчуждающий советскую страну с самого момента ее возникновения от мирового сообщества. Советская Россия / Советский Союз представляли в облике государства-изгоя, исчадия самого крайнего социального зла. Уже самим актом своего зарождения в силу отсутствия международной легитимации оно подлежало уничтожению и должно было пасть в результате интервенции, которая, по сути, являла собой прямую агрессию.

На смену отраженным попыткам военного удушения революции и разрушения только что возникшей советской государственности пришла политика экономической, политической и дипломатической блокады, «санитарных кордонов», которая также должна была, по замыслу ее творцов и архитекторов, изолировать Россию (СССР) от внешнего мира и подорвать самые основы ее существования. Внешняя социальная реальность во всей ее совокупности,

а тем более итальянская с ее фашистским режимом, воплощали в себе, таким образом, недвусмысленную и совершенно реальную, а не только намеренно педалируемую политическими технологиями враждебность для советской государственности. Иное дело, что режим непроницаемости, ограждавший советскую страну от внешних влияний и имевший свои веские основания в условиях вялотекущей информационной войны, скрупулезно, строго и мелочно дозировал сведения о внешнем мире. О потенциальном противнике (а итальянский фашизм именно таковым и являлся) представления были более чем превратными, степень его враждебности, как, например, вероятность ведения фашистской Италией войны-геноцида на советской территории, что впоследствии и осуществилось, трагически недооценивалась (Широкорад 2010). Более того, исходя из классового мировидения, советская правящая элита, оказываясь в плену непростительного самообмана, культивировала догматические предрассудки о животворной силе пролетарского интернационализма, классовой солидарности, должных якобы полностью обезопасить советскую страну в случае фашистской агрессии.

Та политика изоляционизма по отношению ко внешнему миру, которая встраивалась и в стратегические концептуальные схемы, и в повседневную практику советского развития, отнюдь не была чем-то абсолютным. Она и не могла быть таковой даже при том уровне, которого в первые десятилетия XX в. достигла тогдашняя глобальная взаимообусловленность мира, а вместе с ней и насущные потребности развития мировой экономики и политики. Их наличие перевешивало, хотя и ничуть не устраняло, все, казалось бы, непреодолимые идеологические антагонизмы, которые определяли динамику отношений между советским коммунизмом и итальянским фашизмом, между Советским Союзом и Италией. Более того, скрытый и явный дефицит легитимности сил, оказавшихся у власти в обеих странах, несколько облегчал их сближение на межгосударственном уровне. Советский Союз уже в 1924 г. добился от Италии, одной из первых западных стран, признания де-юре, осуществив прорыв дипломатической и экономической блокады. Было положено начало экономическому сотрудничеству, за счет которо-

го советская модернизация могла удовлетворить спрос на современные технологии, что было жизненно важно для углубления и развития промышленной революции, как и, в свою очередь, Италия смогла отчасти решить благодаря политике на советском направлении свою извечную проблему нехватки сырьевых ресурсов. Таким образом, была создана солидная прагматическая основа двусторонних отношений, которая позитивным образом сказалась на процессах модернизации в обеих странах (Макулов 2018: 1–6).

Эти позитивные моменты двусторонних отношений, которым была суждена длительная история, не устраняли, тем не менее, взаимного отчуждения по идеологическим мотивам, и в частности, да и в особенности, отчуждения советской страны, где социализм и коммунизм были возведены в ранг государственной идеологии, от Италии с ее тоталитарной формой государственного устройства, воплотившейся в фашизме. Крах фашистского режима, последовавший после его двадцатилетнего господства, если и смягчил остроту этого отчуждения, то только отчасти.

XX в. В условиях биполярности

По итогам движения Сопротивления в Италии одержали верх антифашистские силы, среди которых левые, связанные узами идеологической и моральной солидарности с советской страной, сыграли ключевую роль (Carrattieri, Meloni 2021: 155–172). Но после окончания Второй мировой войны Италия оказалась в западной сфере влияния, что существенно ограничивало простор действия для левых сил и препятствовало углублению процесса антифашистских преобразований в обществе. Из-за этого дефашизация и внутри страны, и за ее пределами производила обоснованное впечатление поверхностной и какой-то поспешной импровизации, наводя на мысль о возможности реставрации фашизма, причем в непосредственной и ближайшей перспективе. Да и только что воссозданная демократия при всех ее несомненных совершенствах и достижениях воспроизводила тем не менее далеко не лучшие и не демократические, а откровенно авторитарные и репрессивно-полицейские формы реализации власти времен того же фашизма

и уж точно дофашистского либерального государства. Строительство демократической государственности в послевоенной Италии осложнялось еще и общей ситуацией холодной войны, проекция которой на страну на Апеннинах имела наиболее выраженный драматический характер, проявляясь в непримиримом противостоянии коммунизма и антикоммунизма, коммунистической и христианско-демократической партий, растянувшимся на целые полвека.

Одним словом, Италия прекрасно вписывалась в ту демоническую картину внешнего мира, которая усиленно культивировалась в советской стране с самого момента возникновения советской государственности. Это видение внешнего мира стало неотъемлемой составной частью менталитета советской правящей элиты и рядовых граждан, убежденных в абсолютных преимуществах своего общественного строя, в правомерности автаркической замкнутости и изоляционистской политики отчуждения от всего иностранного. Недавно пережитая война-геноцид, в которой та же Италия принимала полноценное участие, как и реальная угроза новой войны, еще более разрушительной, только усугубляли уверенность в тотальной враждебности внешнего мира, и фактор этой враждебности неизменно присутствовал в концепции развития советского общества.

Эта враждебность, представлявшая собой реальную угрозу для советской государственности, подпитывалась еще и сознанием преимуществ социалистического общественного строя, выливаясь в самый настоящий комплекс национального превосходства над внешним миром. Тому были немалые и веские основания – недавняя победа в войне, реальные успехи социалистического строительства и социального государства, которые, несмотря на послевоенную разруху, не были утрачены, а, наоборот, обнаруживали тенденцию к нарастанию. Из стран враждебного капиталистического мира Италия являла собой наиболее показательный пример. В послевоенные десятилетия (несмотря на воздвигнутый холодной войной «железный занавес», сохранение цензурных запретов) в советской стране шел процесс неуклонного насыщения общего информационного фона. От этого выигрывали и массовые слои общества, рядовые граждане. Массовой советской аудитории в послево-

енные годы стали доступны произведения итальянского кинематографа, его ставшего культовым неореалистического направления, которое правдиво, доходчиво и наглядно отображало картину итальянской социальной реальности.

Советскому зрителю, в массе своей отчужденному от внешнего мира и от такой далекой во всех отношениях страны, как Италия, но обладавшему обостренным чувством социальной справедливости, были отнюдь не чужды чувства солидарности и сопереживания жизни обездоленных, их страдания от неустроенности и безысходности повседневной жизни послевоенного времени. Ему были вняты образы того вопиющего социального неравенства и несправедливости, которые являла собой только что воссозданная итальянская демократия. Итальянский неореалистический и послеореалистический кинематограф закреплял в сознании советских людей, обделенных достоверной информацией, традиционную и хрестоматийную репутацию Италии – страны крайней и чудовищной отсталости, реликтового «палеокапитализма», совершенно не способной к сколько-нибудь значимому развитию. Это как нельзя лучше подтверждало, причем на основе информации из первых рук, порочность модели капиталистического развития, несостоятельность итальянского социального государства, несмотря на его длительное существование, по сравнению с видимыми и зримыми достижениями социального государства в СССР.

Это также служило веским аргументом для сохранения отчуждения от внешнего капиталистического мира, исключая даже умозрительные выкладки и предположения о тех его позитивных моментах развития, которые могли бы быть отмечены, заимствованы и тем или иным образом встроены в концепцию советского развития. Причем это отчуждение отнюдь не было чем-то односторонним, оно развивалось на взаимной основе, в том числе и в среде сторонников Советского Союза, связанных с ним историческими международными обязательствами и прошедших, подобно руководителю итальянской компартии Пальмиро Тольятти, суровую школу коминтерновской ортодоксии. «...Россия, – доверительно де-

лился Тольятти своими историософскими откровениями с одним из советских журналистов в начале 1960-х гг., – огромная страна, и в ней очень тяжело навести порядок. ...Россия – это недоношенное дитя цивилизации... У вас не было рабовладельческого строя, который хоть из-под палки, но научил работать иные народы. У вас не было капитализма в чистом виде, который создал бы настоящий рынок. Поэтому и социализм у вас недоделанный. Ему не на что опереться, кроме насилия» (цит. по: Колосов 2001: 211–212).

Взаимное отчуждение двух социальных пространственных реальностей – советской страны и капиталистического внешнего мира – казалось вечным и непреодолимым. Но даже оно знало моменты компромиссного смягчения и ослабления. Уже в первое послевоенное десятилетие начался процесс обновления советской правящей элиты, связанный с приходом в нее новых поколений, которые очень скоро продемонстрировали открытость к идее реформ советской системы, допуская, таким образом, существенные перемены в концепции развития страны и ее отношений с внешним миром. Принципиально новые понятия международной политики – экономическое сотрудничество, мирное сосуществование двух социальных систем, разрядка и смягчение международной напряженности, разоружение – активно продвигались новым советским руководством, хотя чаще всего имели достаточно ограниченный и кратковременный эффект. И все же их оказалось достаточно, чтобы пробить первые бреши в «железном занавесе» былого изоляционизма, положить начало более или менее свободному обращению идей, во всяком случае, в области культуры.

Эти несомненные достижения советской страны на путях поиска компромисса с внешним миром, сколь бы ни были они значимы, не могли переломить неустранимую тенденцию капитализма к его варваризации, особенно ошутимую и драматически переживавшуюся в первые послевоенные десятилетия, когда были свежи воспоминания о только что преодоленном фашистском варварстве. Италия как классическая страна фашистской диктатуры являла собой наиболее показательный пример в данном отношении, причем в глазах как советских аналитиков, так и общественного мнения, гото-

вого разделить демонические представления о капиталистическом мире. Достаточно успешный выход из состояния тоталитаризма, установление республиканского строя на основе едва ли не самой прогрессивной в Западной Европе конституции не искоренили той глубинной реакционной основы итальянского общества, которая составляла угрозы и факторы риска для его демократического развития.

Так, благополучно продолжала существовать, время от времени меняя свои названия, партия, связанная отношениями преемственности (по крайней мере, моральными) с фашизмом, что допускалось демократическими конституционными нормами. Ее электоральный вес был более чем скромн, но, несмотря на это, в итальянском обществе первых послевоенных десятилетий имела распространение и известную популярность, в том числе и среди молодежи, историческая мифология фашизма, ностальгия по временам фашистского двадцатилетия, якобы ставшим ярким воплощением национального и государственного великодержавия. А с конца 1960-х гг. во весь голос заявили о себе откровенно деструктивные силы черного, а затем и красного терроризма, хорошо организованные и глубоко законспирированные, угрожавшие самим основаниям демократической государственности (Albanese 2020: 311–318).

Столь же ощутимой угрозой являлась и организованная преступность, представлявшая собой по своему весу и влиянию едва ли не альтернативную власть, успешно конкурирующую с государственной. На разбалансирование государственных устоев, по крайней мере на первых порах, работали также возникшие на самом излете Первой республики или в начале Второй популистские движения и квазипартии, такие как «Лига» с ее сепаратистскими идеями, «Вперед, Италия!», а позднее «Движение пяти звезд» и «анти-популистское», но с сильными задатками все того же популизма «Движение сардин». В совокупности своей все эти явления обнаруживали признаки хорошо известной модели попятного развития, реставрации старых и архаичных политических укладов с их неизбежной составляющей консервативной охранительности, автори-

тарных и репрессивных форм реализации власти. Тем более что в различных регионах мира, в странах как далеких от Италии, так и близких к ней, от Индонезии до Греции и Чили, проекты попятного развития, воплощаясь в жизнь, оборачивались установлением диктаторских режимов, войной-геноцидом против собственного народа. Для Италии с ее потенциалом консервативных и реакционных сил эти примеры обладали особой убедительностью.

Италия оказывалась, таким образом, в ряду тех стран, пространственных социальных реальностей, которые в восприятии и советской правящей элиты, и массовых слоев советского общества имели особо зловещий характер, закрепляя в их сознании издавна сложившиеся ксенофобские и изоляционистские предрассудки. Такая сильно деформированная картина внешнего мира обеспечивала, в свою очередь, выигрышные позиции в информационной войне с Западом, поскольку, как уверенно казалось, она оттеняла преимущества социалистического строя, свободного ото всех социальных зол, от которых тяжело страдала та же Италия.

Советские медийные источники убеждали потребителей своей информации, причем отнюдь не без успеха, что социалистический строй самой своей логикой развития исключает (и на вечные времена!) такие явления, как терроризм, организованная преступность, авторитарное перерождение власти и им подобные формы социального зла, на которые была столь щедрой итальянская действительность. Этому соответствовали также незамысловатые объяснительные схемы, которые привычным образом и чаще всего с подачи самих итальянских аналитиков обыгрывали тему итальянской отсталости, создававшей благодатную почву для реликтовых форм политического уклада, отстаивавших альтернативу общественного регресса. Соответствовали этому и общие представления о внешнем мире, которые воспроизводились советской идеологической традицией, отнюдь не отличаясь особыми аналитическими изысками и сводясь к примитивной формуле общего кризиса капитализма – бледного отзвука все той же концепции мировой революции, пусть и изрядно смягченной в своих наиболее радикальных формулировках.

Откровенная бесперспективность подобного видения развития итальянской социальной реальности, характерная для экспертного сообщества, занимавшегося в Советском Союзе Италией, не допускала тех возможностей и успехов, которых, вопреки этому расхожему предубеждению, страна на Апеннинах достигла в рамках своего форсированно-догоняющего развития. Сначала – в ходе послевоенной реконструкции, а затем, в конце 1950-х – начале 1960-х гг. – экономического чуда. К тому же, по соображениям идеологического характера, в режиме непрекращающейся информационной войны признание тех позитивных итогов и результатов развития страны западного капитализма, которые, пусть и в чистой теории, но могли бы быть позаимствованы и встроены в модель социалистического развития, считалось совершенно недопустимым.

Более того, вероятность такого заимствования, несмотря на первые признаки разрядки в отношениях Советского Союза с Западом, становилась проблематичной, поскольку их пути развития обнаруживали стойкую тенденцию к расхождению. Притом что всякое развитие предполагает наличие цели, явной или неявной (Rognoni 2019: 663–674), модель советского развития, следуя укоренившейся традиции политической культуры страны, предусматривала жесткое целеполагание – например, полную и окончательную победу социализма. Эта цель, декларированная как успешно достигнутая, сменилась новой – построением коммунизма, еще более жесткой по признакам ее достижения, а в особенности – еще и по срокам, нереальность которых просматривалась уже в самый момент ее официального провозглашения. Менее жестко сформулированной была цель развитого социализма, поставленная уже на закате советской государственности и представлявшая собой смягченный вариант коммунизма, а потому также провозглашенная как достигнутая.

В свою очередь развитой социализм, причем и для тех же итальянских левых, обнаруживал все меньшую притягательность, делая все более призрачными какие-либо помыслы о заимствовании его опыта развития. Концепции развития, альтернативные капитализму, произраставшие во второй половине XX в. на почве ита-

льянской левой политической субкультуры, – демократический социализм у социалистов и социал-демократов, итальянский путь к социализму, исторический компромисс, демократическая альтернатива, еврокоммунизм у коммунистов – при всех их существенных различиях заключали в себе единую идею отмежевания и дистанцирования от реального социализма. Итальянская коммунистическая партия, хотя и связанная с ним традиционными узами пролетарской солидарности, признавала своим приоритетом не моноцентрическую, как в прежние времена, а полицентрическую организацию мирового коммунистического движения, построенную с учетом специфики западноевропейского региона (Di Maggio 2016: 55–78). С течением времени эта тенденция неизменно усиливалась, утверждая взгляды и представления относительно советского опыта строительства социализма как назидательный исторический пример вопиющей цивилизационной аномалии развития. Тем более что развитой социализм последних десятилетий своего существования отнюдь не отличался оригинальностью идей и концепций развития, которые могли бы претендовать на некую универсальность и иметь перспективу, смысл и значение для западноевропейской левой мысли.

Эта аномальность трактовалась на Западе и в той же Италии как цивилизационная угроза фундаментальным демократическим основаниям западного общества. Активное и деятельное противостояние ей виделось на путях поддержки оппозиции, открытой западным ценностям, приемлющим идею их заимствования, переноса на российскую почву и вживания в российскую действительность. Советская перестройка, а следом за ней и постперестройка, идеи и концепции которых еще задолго до их начала суфлировались из Италии, явили собой в данном отношении ярчайший пример. Впрочем, нечто подобное имело место и много ранее, во времена дофашистской либеральной Италии и дооктябрьской России – тогда российская монархическая государственность подвергалась в Италии жесточайшему остракизму, благо что веские поводы для того периодически возникали. Полицейские преследования, выпадавшие на долю российской оппозиции, служили средством моби-

лизации итальянского общественного мнения, в котором основной тон задавали левые силы, в той же Италии испытывавшие постоянный прессинг репрессивной политики властей. Долгое время эти изъявления солидарности с российской оппозицией в полном соответствии с бытовавшими историографическими условностями – безудержной апологией революционности – трактовались в сугубо позитивном ключе (Раджоньери 1970: 120–154; Мизиано 1976: 254–283), а тот деструктивный посыл, который эта революционность приносила в судьбы российской государственности, неизменно замалчивался или попросту игнорировался.

Бесспорно, истинные смыслы, а главное – замыслы, наполняющие эту деструктивность, а также ее трагические последствия, в особенности там, где это касалось советской государственности, до поры до времени относились к разряду неочевидного, оставаясь к тому же тщательно сокрытыми даже для самых проникательных и искушенных представителей оппозиции. Более того, видимые достижения левых сил, завоевавших в период Первой республики статус политических тяжеловесов, обладали притягательной силой не только для советской прозападнической оппозиции, но и для реформистски мыслящего политического истеблишмента, просчитывавшего варианты неизбежных реформ страны в ее ближайшем и непосредственном «постгеронтократическом» будущем. Уже в первых своих умозрительных наметках новый реформистский курс вынужден был считаться с непреложным фактом оскудения собственных концептуальных ресурсов, восполнить которые предполагалось заимствованием из внешних источников. На фоне идейного кризиса реального социализма левая политическая субкультура Италии как нельзя подходила для этого: «элементы социализма», наличие которых в стране развитого капитализма декларировалось теоретиками Итальянской коммунистической партии, казались верхом креативности, создавая и культивируя стойкую иллюзию относительно возможности их «трансплантации» в «реально-социалистический» мир с целью его радикального обновления.

XX в. После СССР

Иллюзорность надежд на замещение ортодоксально-анахроничных идей и концепций, государственных и общественных институтов реального социализма эталонными образцами демократии, возвращенными на почве той же итальянской левой политической субкультуры, не замедлила себя обнаружить с крахом советской перестройки, распадом мировой социалистической системы и Советского Союза. Диалектика противостояния коммунизма и антикоммунизма, детерминирующая послевоенное мировое общественное развитие, исчерпала свой конструктивный потенциал, вызвав катастрофические последствия для итальянской государственности. Партийная система Италии, несущая конструкция Первой республики, основанная на этой диалектической зависимости, обрушилась буквально в одночасье в самом начале 1990-х гг. – настолько стремительным оказался процесс обвальной девальвации не только коммунизма, но и утратившего свою надобность антикоммунизма. Последнего, по крайней мере, в его традиционной форме исторических партий – христианских демократов и их союзников.

Глобальная взаимообусловленность мира проявила себя совершенно непредсказуемым и парадоксальным образом: постсоветская пространственная реальность, явно уступавшая по уровню своей политической зрелости итальянской демократии, оказалась мощным фактором развития последней, причем в сугубо негативном плане. То было, однако, скорее отклонением от устоявшейся нормы, и действительно, более мощный итальянский концептуальный ресурс проявил себя в привычном качестве теперь уже в отношении к постсоветской пространственной реальности. Вторая республика в лице ее самого авторитетного национального лидера начала 1990-х гг. Сильвио Берлускони отметилась поддержкой недавней оппозиции, которая в постсоветской России обрела статус партии власти, приемлющей на тот момент идею «экспорта» и «трансплантации» западной демократии. Так, в пользу кандидата от этой партии власти на президентских выборах 1996 г. итальянская сторона произвела финансовые вливания неслыханной щедрости, дабы га-

рантировать в постсоветской России успех прозападнических сил (90-е... 2021).

И тем не менее, несмотря на изъявления солидарности с молодой российской демократией, возможности итальянского политического класса Второй республики законодательствовать в области политической моды, а тем более продвигать ее эталонные образцы в постсоветскую пространственную реальность заметно и существенно поубавились. К тому же и сама эталонность итальянской демократии выглядела все более сомнительной в свете тех событий, которые положили начало «итальянской революции» и Второй республике, будь то антикоррупционная операция «Чистые руки», «раскассирование» исторических партий и крах, казалось бы, непотопляемой партократии, вхождение во власть постфашистских правых успехи популистов, в том числе и сепаратистской «Лиги Севера», которая поставила под вопрос существование единого итальянского государства. Да и сама Россия, отягощенная в свое первое постсоветское десятилетие тяжким грузом несметных проблем переходного периода, если и могла осмыслить текущий (и плачевный) опыт итальянской демократии, то разве что силами немногих аналитиков-итальянистов, чье влияние в экспертном сообществе, а тем более в сфере принятия политических решений, было более чем скромным.

При всех западнических вождениях либеральных реформаторов – правящей элиты нового призыва – драматические, а нередко и трагические события на постсоветском пространстве оказывали всепоглощающее воздействие и на новую власть, и на рядовых граждан постсоветской России. Политическая жизнь зарубежья, и той же Италии в частности, уже не обладала тем потенциалом, какой она имела в советское время, когда картины жизни, такой далекой и недоступной для огромного и подавляющего большинства советских людей, были призваны компенсировать их отчуждение от политики в собственной стране. Большое значение для граждан России приобретал первый и желанный опыт политического участия, который, вопреки радужным надеждам и ожиданиям, обернулся глубоким разочарованием, зачастую на грани, а то и

за гранью отчаяния. Перед этим опытом решительно меркла вся былая экзотика итальянской политической жизни. Меркли и традиционные объяснительные схемы, исключавшие даже отдаленную вероятность возникновения в странах реального социализма тех вопиющих форм социального зла, будь то терроризм, или организованная преступность, или сепаратизм, которые в силу господствовавших идеологических условностей почитались едва ли не сугубо итальянским феноменом.

Вместо заключения. Новации XXI в.

Из нового российского далека итальянская социальная реальность казалась теперь чем-то глубоко провинциальным и не заслуживающим сколько-нибудь пристального внимания, как и, равным образом, постсоветское пространство, наблюдаемое из Италии после краха перестройки, тоже утратило какие-либо ощущения его новизны и ожидания по части перспектив его модернизации.

Но и при всей растущей «приблизительности» представлений об Италии в России и в России – об Италии феномен политического «телечуда» Сильвио Берлускони, вознесшегося на олимп итальянской и европейской политики и обретшего статус авторитетного национального лидера, не мог не оказать магического воздействия на сознание известной части российской политической и интеллектуальной элиты. Успех медийного олигарха, конвертировавшего свои предпринимательские компетенции в политические, выглядел оглушительным, особенно на фоне неудач, провалов и банкротства многих политических тяжеловесов периода Первой республики.

Процессы секуляризации политики, освобождения ее от жестких условностей идеологического характера, вменявших тяжкое бремя взаимных обязательств или взаимного отчуждения, уже не препятствовали осмыслению, пусть сравнительно поверхностному, всего спектра итальянской политики, в том числе и тех ее новых течений, которые, по классификации отечественных аналитиков, почитались правыми. Ушла в прошлое традиционная агрессивность, с которой в советское время было принято реагировать в полном соответствии с классовым подходом, пролетарским интернациона-

лизмом, государственным антифашизмом на любой успех правых политических сил.

Феномен Берлускони воздействовал с подкупающей убедительностью, поскольку в нем просматривались возможности, действительно реализованные в Италии, свести политику почти исключительно к политическим технологиям. Для России с ее хорошо и тщательно организованным хаосом отечественной политики этот популистский опыт был особенно соблазнителен, поскольку он сулил его последователям перспективу рационализации процесса политического развития, сплошь и рядом неконтролируемого и неуправляемого в переходный постсоветский период. Это нашло свой оперативный отклик и в медийной сфере: к популяризации личности Берлускони активно подключились едва ли не лучшие перья официальной журналистики как советского, так и постсоветского времени (Ильинский 2004). Надежды регламентировать подобным образом развитие отечественного политического процесса, введя его в русло рациональности посредством заимствований опыта иной пространственной реальности, были замечены в начале нулевых годов на оппозиционном фланге российской политики.

Поскольку оппозиция оказалась в заведомо неравноправном положении перед лицом партии власти, очевидным образом утвердившей свое монопольное положение в политической системе и не желавшей им поступаться, востребованность «чудодейственных» политических технологий, обкатанных в той же Италии, не замедлила себя проявить. Но то была лишь очередная из бесчисленного множества попыток создания массовой партии по образцу западной социал-демократии, неизменно терпевших – еще со времен перестройки – фатальный провал. Тем не менее в отличие от предыдущих этот новый проект оказался относительно успешным, завершившись созданием «Справедливой России», которая, однако, по масштабам своего влияния не достигла классических образцов западной социал-демократии. Одна из причин этого – в том, что в ходе партийного строительства ее создатели апеллировали отнюдь не к левой идее, в Италии, например, столь богатой разнообразными оттенками и нюансами, а к популистскому опыту Сильвио Бер-

лускони – политику правого толка, каковым он слыл даже по менее строгим критериям и понятиям постсоветской политической культуры. Впрочем, чего еще можно было бы ожидать в начале нулевых годов?

Апологетические суждения о его личности, которых в советское время не удостаивались даже самые авторитетные лидеры итальянских левых партий, особенно когда эти суждения изрекались одним из первых лиц государства – председателем Совета Федерации и будущим основателем «Справедливой России» Сергеем Мироновым, буквально превосходили все мыслимые пределы. Российский политик в начале нулевых годов признавал в лице Берлускони харизматического лидера мирового масштаба, не вписывающегося ни в какие стандарты. При этом на том начальном этапе по существу акцентировались единство и общность постмодернистской и пост-идеологической основы проектируемой «Справедливой России» и уже созданной популистской квазипартии «Вперед, Италия!».

Италия золотого периода «эры Берлускони» из постсоветского далека выглядела в ее сопоставлении с новой Россией узнаваемой, ей приписывались черты яркого назидательно-дидактического примера успешной борьбы против извечных социальных зол, будь то коррупция или организованная преступность (Kolomiez 2007: 264–267; Щекочихин 2000: 16). Этот хор апологетических голосов, возносящих Италию времен Берлускони, заглушал те немногие, если не единичные, суждения, которые, не романтизируя итальянскую действительность, видели в той же широковещательной антикоррупционной кампании не более чем проявления кланово-междоусобной борьбы (Хазов 2000: 12). Длинный шлейф популярности Берлускони в России тянется за ним и в наши дни, несмотря на то маргинальное положение, в которое давно уже ввергнута его партия и сам ее лидер. Такая застойная и статичная картина политической жизни Италии сохраняется до сих пор, несмотря на то, что реальность за прошедшие десятилетия претерпела существенные изменения с приходом новых харизматических личностей и с появлением новых влиятельных политических сил.

И тем не менее недавно на ниве напоминания все о том же ветеране итальянской политики отметился артист балета Сергей Полунин – представитель художественной элиты, которая, как принято считать, способна «делать» общественное мнение или, во всяком случае, как-то влиять на его формирование (Consoli 2021). Инерционность такого восприятия, когда реликтовой политической фигуре до сих пор приписываются некие демиургические черты и статус тяжеловеса, на самом деле во многом давно утраченный, объяснима тем, что из общей картины итальянской социальной реальности последовательно вымывается ее политическая составляющая.

Существенное ослабление синдрома недоступности внешнего мира, от которого страдали несколько поколений советских людей, изменили приоритеты в самой системе представлений об Италии. Собственно политическое в ее восприятии отступило на задний план, если не вообще сошло на нет. Актуальность обрело некое неполитическое измерение, лишённое прежней идеологической одержимости и ставшее возможным благодаря непосредственным контактам с той некогда закрытой «заграницей», которая представляла собой самый настоящий запретный плод. Ибо постсоветскому человеку, долгое время отлученному от этого далекого и неведомого, воспитанному в духе ксенофобских комплексов превосходства по отношению ко всему «иному», важно было, едва «заграница» стала доступной, утвердить себя в равноправии с ней. Ему было столь же важно избавиться еще и от комплекса изгоя, неполноценности и ущемленности, который ему навязывался всего лишь по причине его принадлежности к иной социальной реальности, к иному общественному строю, третируемому на Западе как враждебный, несущий цивилизационную угрозу.

Италия как нельзя лучше подходила для избавления от этих застарелых комплексов: в итальянской социальной реальности постсоветский человек находил знакомые и узнаваемые для него черты сходства национальных характеров, ментальных и поведенческих стереотипов. В этом «новом открытии» Италии, как и вообще внешнего мира, постсоветский человек был одержим навязчивой идеей убедить прежде всего самого себя, что в той социальной реально-

сти, по давнему определению, чужой, чуждой и даже враждебной, на самом деле – «все, как у нас» (Олейник 2001: 41; Ciarnij 2002: 2). Италия воздействует располагающе на постсоветского человека еще и потому, что она никак не ассоциируется с образом врага, прежде всего в лице Запада, который на нынешнем витке глобализации обрел преимущества в ущерб России в результате известных геополитических и геостратегических сдвигов и перемен. Во всяком случае, в апреле 2019 г. недружественность отношений с Италией признавал всего лишь более чем скромный 1 % респондентов (Дружественные... 2019).

В этих позитивных, а нередко и восторженных выводах относительно Италии было немало инфантильного, унаследованного от собственно советского человека и ничуть еще не изжитого, но оно имело свои основания, поскольку заключало в себе правомерный и обоснованный протест против режима автаркической замкнутости собственной страны, навязанного нескольким поколениям советских людей. Заново открытая для постсоветского человека Италия представляла перед ним как носитель стандартов общества потребления, существование и ценности которого были легитимированы в России со сменой общественного строя, хотя их присутствие было уже хорошо заметно в широкоэщательных посулах перестроечной риторики. Они теперь органично вписывались в логику исторического развития новой России в отличие от советского времени, когда общество потребления, атрибут западной цивилизации, третиновалось на все лады как выражение бездуховности тамошнего общества, ввергнутого общим кризисом капитализма в состояние катастрофической обреченности.

Тяга к заимствованию стандартов западного общества потребления, едва это стало возможным, стимулировалась сознанием хронического недопотребления, столь характерного для всей истории советского общества, а экономический коллапс, вызванный перестройкой и либеральными реформами, несказанно усилил эту тенденцию. Недопотребление советского и постсоветского человека, удручающее даже на фоне стран реального социализма, при поверхностном и до поры до времени заочном соприкосновении

с итальянской социальной реальностью уже производило на этого человека сильное впечатление. Когда же дело, наконец, дошло до прямых и непосредственных контактов с «прекрасной страной на Апеннинах», эффект от этого был уже просто шокирующим.

Первые и относительно массовые впечатления формировались по результатам туристических паломничеств, доступных, разумеется, той наиболее благополучной части постсоветского общества, наиболее открытой ценностям общества потребления, которая безболезненно пережила либеральные реформы и даже выиграла от них, вписавшись в новый жизненный уклад. Восприятие итальянской социальной реальности этими социальными слоями почти исключительно с точки зрения новых и прежде невиданных возможностей потребления впечатляет своей удивительной непритязательностью потребительских запросов и желаний, отдающих временами крайней примитивностью. В мелочном перечне предметов потребления, подчас весьма курьезном, как свидетельствуют данные опросов, наличествуют те, что на Западе и в той же Италии составляют бытовую и привычную повседневность, в то время как в глазах постсоветского человека они выглядели, во всяком случае на первых порах, как неслыханная роскошь (Сiarnij 2002: 2).

Мерило потребления прилагалось не только к миру вещей первой необходимости, но и к иным сферам жизни итальянского общества – к его культуре, чаще всего связываемой с раскрученными еще в советские времена именами шоу-бизнеса, к истории – отрывочные, еле памятные еще со школьной скамьи воспоминания о которой с видимым трудом постсоветские люди, главным образом из числа паломников-туристов, пытались извлечь из глубин своей памяти (Самые... 2002: 7). Естественно, носителем подобных представлений об Италии в России выступал протагонист «революции потребления» – социальные слои, одно время обозначаемые суммарным понятием «новые русские». Сквозь призму системы ценностей нового господствующего класса, агрессивно транслируемой в постсоветскую повседневность, концептуальный ресурс итальянской социальной реальности для России выглядел к началу XXI в. крайне скудным, а если и сколько-нибудь значимым, то всего лишь как модель общества потребления.

Литература

Дружественные и недружественные страны. 2019. ФОМ 6 мая. URL: <https://fom.ru/Mir/14201> (дата обращения: 30.10.2021).

Ильинский, М. М. 2004. *Сильвио Берлускони – Премьер Италии*. М.: Юридический центр. 585 с.

Коломиец, В. К. 2014. Путешествующие «по казенной надобности». Советская номенклатура первого послеоктябрьского десятилетия об Италии. В: Крупенина, Е. (отв. ред.), *Путешествие в Италию – путешествие в Россию. Сборник статей по материалам итало-российских исторических конференций, состоявшихся на факультете журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова (20 ноября 2012, 27–28 марта 2013 и 26–27 сентября 2013)*. М.: Тип. ВП-принт. С. 105–109.

Колосов, Л. С. 2001. *Собкор КГБ. Записки разведчика и журналиста*. М.: Центрполиграф. 442 с.

Кондратьев, В. 2018. Новый этап глобализации: особенности и перспективы. *Мировая экономика и международные отношения* 6(62): 5–17. URL: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-6-5-17>.

Макулов, С. С.

2017. Стереотипность в изображении итальянского фашизма в советской прессе и публицистике 1920–1930-х гг. *Власть* 12(25): 95–98.

2018. Отечественная печать 1922–1941 гг. о советско-итальянских отношениях. *Международные отношения* 1: 1–6. URL: <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2018.1.25024>.

Мизиано, К. Ф.

1968. Итальянское Рисорджименто и передовое движение в России XIX века. В: Сказкин, С. Д. (отв. ред.), *Россия и Италия. Из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений*. М.: Наука. С. 95–132.

1970. Итальянское Рисорджименто. В: *Документы советско-итальянской конференции историков 8–10 апреля 1968 г.* М.: Наука. С. 318–320.

1976. *Итальянское рабочее движение на рубеже XIX и XX вв.* М.: Наука. 301 с.

Олейник, А. Н. 2001. «Жизнь по понятиям»: институциональный анализ повседневной жизни «российского простого человека». *Полис. Политические исследования* 2: 40–51.

Раджоньери, Э. 1970. Итало-русские общественные связи (1860–1900 гг.). *Документы советско-итальянской конференции историков 8–10 апреля 1968 г.* М.: Наука. С. 120–154.

Самые известные итальянцы. 2002. *Известия* 2 апреля. С. 7.

Сандомирский, Г. Б.

1923. *Фашизм*. М.; Пг.: Госиздат. 154 с.

1926. *Италия наших дней*. М.; Л.: Госиздат. 106 с.

90-е. «Голосуй или проиграешь!». 2021. *ТВ Центр* 26 мая. URL: https://www.tvc.ru/channel/brand/id/2766/show/episodes/episode_id/71370 (дата обращения: 30.10.2021).

Хазов, А. 2000. «Чистые руки» или умытые? Продолжение разговора. *Новая газета* 39: 12.

Халий, И. А. 2008. Общественные движения в России до конца 1920-х годов: развитие в эпоху трансформаций. *Социологический журнал* 2: 56–70.

Широкоград, А. 2010. *Италия. Враг поневоле*. М.: Вече. 352 с.

Щекочихин, Ю. 2000. Хорошо живется тем, кто борется с мафией. *Новая газета* 29: 13.

Albanese, G. 2020. Ripensare il terrorismo? *Contemporanea. Rivista di storia dell'800 e del '900* 2: 311–318. URL: <https://doi.org/10.1409/96790>.

Carrattieri, M., Meloni, I. 2021. La Resistenza. Un rinnovato tema storiografico. *Contemporanea* 1: 155–172. URL: <https://doi.org/10.1409/100261>.

Ciarnij, S. 2002. L'Italia è il Paese in cui tutto è bello. *L'Espresso* 6: 2.

Consoli, M. 2021. Polunin e l'arte della provocazione: “Ho un debole per Putin e Berlusconi”. *L'Espresso* 16.06. URL: https://espresso.repubblica.it/idee/2021/06/16/news/polunin_e_l_arte_della_provocazione_ho_un_debole_per_put_in_e_berlusconi_-305319851 (дата обращения: 30.10.2021).

Di Maggio, M. 2016. Internazionalismo, socialismo ed europeismo nel Pci di Berlinguer. *Dimensioni e problemi della ricerca storica* 2: 55–78. URL: <https://doi.org/10.7376/85892>.

Gozzini, G. 2003. La parola globalizzazione. *Passato e presente* 58: 5–15. URL: <https://www.torrossa.com/it/resources/an/2197598> (дата обращения: 30.10.2021).

Kolomiez, V.

2007. *Il Bel Paese visto da lontano... Immagini politiche dell'Italia in Russia da fine Ottocento ai giorni nostri*. Manduria; Bari; Roma: Piero Lacaita Editore. 280 pp.

2018. La destra russa del primo Novecento come modello interpretativo del movimento fascista in Italia. *Storia e Futuro. Rivista di storia e storiografia online* 46. URL: <http://storiaefuturo.eu/la-destra-russa-del-primo-novecento-modello-interpretativo-del-movimento-fascista-italia/> (дата обращения: 30.11.2021).

La rivoluzione sovietica in prospettiva globale (A cura di Paolo Capuzzo). 2018. *Contemporanea* 2: 241–284. URL: <https://doi.org/10.1409/89752>.

Rognoni, M. S. 2019. Pensare il futuro raccontando la storia dello sviluppo. *Contemporanea*. 4: 663–674. URL: <https://doi.org/10.1409/95115>.